

Гдѣ же ты, иль передъ холстиной
 Такъ же, какъ и я, сидишь,
 Мысли валяты картиной,
 Кончить къ выставкѣ спѣшишь.
 Иль въ полѣ предъ водами
 Съ рожью мчишься на конѣ,
 Какъ фельдмаршалъ передъ полками.
 Иль торчишь ты на гумнѣ?
 Быстро день за днемъ мелькаетъ,
 Нѣту слуха о тебѣ,
 А тебя все поджидаетъ,
 Богомазъ и певалье.

Далѣе за этими стихами Шварцъ продолжаетъ: „чтобы Вася, наконецъ, растрогать, я прибѣгаю къ поэзіи. Дѣло потъ въ чемъ—картина окончена, 15 августа она должна быть отправлена въ Петербургъ. Забѣжайте, помните, что здѣсь Вы у меня одинъ, съ кѣмъ я могу по христіански говорить объ искусствѣ“. За эту картину Шварцъ награжденъ званіемъ почетнаго члена община Академіи Художествъ. На просьбы сестры, Смирновой, обращенныя къ Вячеславу Григорьевичу написать еще картину, онъ отпѣчалъ, что уже намѣтилъ событіе для картины изъ времяа борьбы Новгорода за свои права, но этой картинѣ не было суждено быть написанною, такъ какъ въ ноябрѣ 1888 г. здоровье Шварца сильно подорвалось, и онъ изъ Петербурга прѣхалъ въ деревню Нѣлый-Колодезь и вскорѣ былъ избранъ предводителемъ дворянства Цигровскаго уѣзда. Съ свойственными ему усердіемъ принялся онъ за исполненіе этой новой для него обязанности. Между тѣмъ здоровье его все болѣе и болѣе ухудшалось, онъ слабѣлъ, но на боль не жаловался. К. А. Трутовскій проѣхавъ черезъ Курскъ забѣжалъ въ гостиницу къ Шварцу, видъ котораго поразилъ Трутовскаго: лицо Вячеслава Григорьевича, по словамъ Трутовскаго, было темно-каричневое, онъ сильно похудѣлъ, но попрежнему съ живостью рассказывалъ, какъ онъ устроивалъ въ Курскѣ домашніе спектакли, и съ большимъ юморомъ описывалъ, какъ онъ дѣйствовалъ по должности предводителя дворянства. 29 марта Шварцъ почувствовалъ особую слабость, а приглашенный врачъ объявилъ положеніе его безнадежнымъ. Находясь затѣмъ все время въ полной памяти, спокойно разговаривая съ присутствующими, въ 6 часовъ вечера онъ переставалъ двигаться и приобщился Св. Таинъ, и на обращенныя къ нему вопросы отпѣчалъ, что не чувствуетъ никакой боли, а въ 10 часовъ вечера того же дни Вячеславъ Григорьевичъ умеръ тихо, спокойно, какъ бы